

Преданіе Церкви и преданія школы.

III.

„Епископъ“, рассуждаетъ проф. Дмитріевскій, на основаніи приводимыхъ, но не понятыхъ имъ, какъ уже было сказано, современныхъ формулъ хиротоніи, „воспріялъ Божественную благодать для проручествованія въ эти степени (т. е. пресвитера и діакона) чрезъ апостоловъ отъ самого Господа, а потому проручествуемые имъ никоимъ образомъ не могутъ быть ни „товарищами“, ни „соправителями“ его, а *лишь* ему подчиненными“. Подчиненности никто не отрицалъ и не отрицаетъ, хотя подчиненность и есть, конечно, понятіе совершенно относительное. Это лучше всего уясняется именно изъ отношенія дѣятельности пресвитера къ епископской власти. Въ тайнодѣйствіи онъ и не подчиненъ. Но никто и не называлъ пресвитеровъ и діаконовъ „товарищами“ епископа; прот. Горчаковъ назвалъ ихъ соправителями и соучастниками. Я не вижу однако особой бѣды и въ наименованіи ихъ товарищами. Товарищи суть тѣ, которымъ ввѣрено одно дѣло и которые дружно ведутъ его общими силами. Сошлюсь на нѣкоторый авторитетъ не византійскаго и не римскаго происхожденія. Апостоль Петръ обращаясь къ пресвитерамъ, называетъ себя сопресвитеромъ (*συνπρεσβύτερος*), присовокупляя къ сему же наименованію себя апостоломъ, на что, конечно, имѣлъ полное право, и въ отличіе отъ нихъ именуя себя только „свидѣтелемъ страданій Христовыхъ“, но опять приравнивая себя всѣмъ соправителямъ, черезъ наименованіе себя вмѣстѣ съ ними соучастникомъ славы, которая должна открыться (1 Петр. V, 1). Присикиллу и Акилу, а затѣмъ не-

вѣдомаго для насъ Урбана называетъ Павелъ сотрудиками (*συνεργοί*) своими во Христѣ (Римл. XVI, 3. 9). Очевидно онъ не усматривалъ въ нихъ „лишь подчиненныхъ“. Можно ли назвать пресвитера „соправителемъ“ епископа? Обратимся за разрѣшеніемъ вопроса къ чинамъ рукоположенія епископа и пресвитера въ Апостольскихъ Постановленіяхъ, т. е. къ древнѣйшимъ чинамъ, намъ извѣстнымъ и даже, конечно, болѣе авторитетнымъ, чѣмъ позднѣйшія неоднократныя ихъ передѣлки. Объ епископахъ сказано: „Дажь о имени Твоемъ, Сердцевѣдче Боже, рабу Твоему сему, его же избралъ еси въ епископа, пасти святое Твое стадо и архіерействовати Тебѣ, непорочно священнослужаща въ нощи и во дни и т. д.“

Пасеніе стада, пастырство, конечно, подразумѣваетъ и управление; но болѣе опредѣленно о правленіи епископа въ молитвословіи не говорится. Подразумѣвать его подъ первосвященничествомъ т. е. подъ словомъ „архіерействовати“ нельзя, ибо это первосвященничество прямо отнесено къ священнослуженію, умиловленію лица Божія, о которомъ говорится далѣе,—собиранію числа спасаемыхъ и принесенію даровъ. При посвященіи же пресвитера говорится: „Самъ и нынѣ призри на раба твоего сего, гласомъ и судомъ клира въ пресвитерство вданнаго, и исполни его Духа благодати и совѣта (*συμβουλίας*), еже заступити и правити народъ Твой (*τοῦ ἀντιλαμβάνεσθαι καὶ κυβερνᾶν τὸν λαὸν σοῦ*) въ сердцѣ чистѣ, имъ же образомъ призрѣлъ на народъ Твой избранный и повелѣлъ еси Моисею избрати старѣйшинъ, ихъ же исполнилъ еси Духа“ (VIII, 5. 16). Итакъ, о правящемъ (заступающемъ) значеніи сана при призывѣ благодати на пресвитера говорится даже полнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ при рукоположеніи епископа. Отсюда ясно, что и пресвитеру ввѣренъ народъ Божій, который онъ заступаетъ, которымъ онъ управляетъ, конечно, въ духовномъ смыслѣ. Но что это за народъ? Тотъ ли самый, который составляетъ паству епископа, которымъ править духовно епископъ,—или малая часть его, составляющая собственную паству пресвитера и ввѣренная ему точно такъ же, какъ ввѣрена епископу вся сравнительно великая паства, включающая въ себя и его часть? И въ томъ и въ другомъ случаѣ пресвитеръ является въ полномъ смыслѣ слова именно „соправителемъ“ епископа. Въ первомъ случаѣ онъ является участникомъ епископскаго управленія по от-

ношенію ко всему ввѣренному епископу стаду или народу,—соправителемъ его по отношенію къ цѣлому; во второмъ,—при извѣстномъ подчиненіи епископу, отнюдь не абсолютномъ,—онъ править ввѣренной ему частью этого цѣлаго и въ свою очередь является такимъ же его соправителемъ по отношенію къ этой части. И то и другое соправительство, какъ докажемъ далѣе, принадлежитъ пресвитеру.

Пресвитеры Церкви—не разрозненные служители церковные, не обособленные другъ отъ друга агенты служенія ей; они составляютъ цѣлое, корпорацію, имѣющую свое назначеніе. Даже и теперъ Церковь молится, по преданію, „объ епископѣ нашемъ (имярекѣ), о честномъ пресвитерствѣ (*ὅπλῆρ τοῦ τιμίου πρεσβυτερίου*) и еже во Христѣ діаконствѣ, о всемъ причтѣ и людехъ“ т. е. о всемъ клирѣ и народѣ (*ὅπλῆρ πάντος τοῦ κλήρου καὶ τοῦ λαοῦ*), что отнюдь не равносильно молитвѣ о всѣхъ пресвитерахъ, о всѣхъ діаконахъ, о всѣхъ клирикахъ и всѣхъ челоуѣкахъ. Единицамъ посвящены въ той же ектеніи другія моленія: присутствующимъ—„о храмѣ семъ и съ вѣрою и благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ входящихъ въ онъ“; отсутствующимъ—„о градѣ семъ и странѣ и съ вѣрою живущихъ въ нихъ“. Здѣсь же возносится мольба за пресвитерство, за клиръ и народъ, какъ цѣлое и собирательное, какъ церковный чинъ и церковное состояніе. Въ литургіи же Постановленій Апостольскихъ молитва эта читается такъ: „О церкви сей и народѣ помолимся. О всякомъ епископствѣ, о всякомъ пресвитерствѣ, о всякомъ во Христѣ діаконствѣ и служеніи и т. д.“ Это говоритъ діаконъ; въ молитвѣ же епископа говорится такъ: „Еще молимтися, Господи, и о святой Церкви Твоей, яже отъ конецъ даже до конецъ, юже стяжалъ еси честною Кровію Твоею и т. д.“... и о всякомъ епископствѣ, правоправящемъ слово истины. Еще молимъ Тя и о моемъ, приносящемъ Ти ничтожество, „и о всякомъ пресвитерствѣ, о діаконахъ и о всемъ клирѣ, да, вся умудривъ, исполниши Духа Святаго“ (VIII, 12. 13). Только о діаконахъ говорится, какъ объ отдѣльныхъ лицахъ или служеніи (*διάκονος, διακονία*), но потому, что собирательнаго *διακόγιον* въ греческомъ языкѣ вовсе не существуетъ.

Что же представляетъ изъ себя пресвитерство и пресвитеріумъ въ его совокупности? Et nos habemus senatum nostrum, coetum presbyterorum, говоритъ бл. Иеронимъ. Златоустъ говоритъ о

синадріонѣ пресвитеровъ, τῶν πρεσβυτερῶν συνέδριον (de Sacerdot. III, 15; Ср. Василия Великаго Ер. 319). „А пресвитерамъ, говорятъ Апостольскія Постановленія, какъ постоянно труждающимся около слова ученія, пусть отдѣляютъ двойную же часть, въ благодать апостоловъ Господнихъ, *которыя и мѣсто занимаютъ* они, какъ совѣтники епископа и вѣнецъ Церкви (συμβουλοὶ τοῦ ἐπίσκοπου καὶ στέφανος τῆς ἐκκλησίας), ибо они соборъ и совѣтъ церковный (ἕισι γὰρ συνέδριον καὶ βουλὴ τῆς ἐκκλησίας II 28). „Почитайте епископа, какъ Исуса Христа, говоритъ Игнатій Богоносецъ; пресвитеровъ же какъ синедріонъ Божій, какъ союзъ апостоловъ (συνέδριον θεοῦ καὶ σύνδεσμος τῶν ἀποστόλων); безъ нихъ (т. е. безъ епископа, пресвитеровъ и диаконовъ, о которыхъ говорилось ранѣе) нѣтъ Церкви (ad Trall. II) ¹⁾“. „Въ единомысліи Бога (ἐν ὁμολογία Θεοῦ) старайтесь совершать все въ предсѣдательствѣ епископа вмѣсто Бога и пресвитеровъ вмѣсто синедріона апостоловъ“ (ad Magnes. с. 6). „Одинъ жертвенникъ, какъ одинъ епископъ, купно съ пресвитеріумомъ (ἅμα τῷ πρεσβυτέρῳ) и діаконами, *сослужителями* моими“ (ad. Philad. с. 4). „Всѣ слѣдуйте епископу, какъ Исусъ Христосъ Отцу, и пресвитеріуму (τῷ πρεσβυτέρῳ), какъ апостоламъ“ (ad. Smyrn. с. 8).

Чтобы всю систему повиновенія, изображаемую Игнатіемъ Богоносцемъ, нельзя было понимать въ смыслѣ слѣпого повиновенія или іерархическаго безволія съ подчиненностью только личной, индивидуальной волѣ епископа, необходимо принять въ соображеніе, что и епископъ всегда подразумѣвается повинующимся Богу, подражающимъ Богу. Рѣчь идетъ у Игнатія Богоносца не объ отвлеченномъ епископатѣ, а объ извѣстныхъ ему епископахъ, почему всякое указаніе на подражаніе ихъ Богу всегда сопровождается словами: „какъ ты и дѣлаешь“ или „какъ онъ и дѣлаетъ“. Само собой разумѣется, что еслибы епископъ поступалъ иначе, то и отно-

¹⁾ На эти слова обращаю вниманіе провозглашавшихъ въ предсоборномъ присутствіи, что Церковь пребывала бы Церковью даже и тогда, когда всѣ отпали бы отъ нея, кромѣ нѣсколькихъ только епископовъ,— и только. Въ полной вѣрѣ, что для неодолимой Церкви такое состояніе не можетъ быть даже мыслимымъ, полагаю, что въ этомъ случаѣ и епископы, растерявшіе все стадо свое и весь клиръ свой не были бы уже епископами и передъ Богомъ, Которому отдають они отчетъ за народъ имъ ввѣренный (Апост. Пр 38)

шеніе къ нему должно было бы быть инымъ. При томъ же Игнатій Богоносецъ провозглашаетъ систему всеобщаго взаимоповиновенія въ Церкви. „Повинуйтесь епископу и другъ другу, какъ Иисусъ Христосъ повиновался по плоти Отцу и апостолы Христу, Отцу и Духу, дабы единеніе было вмѣстѣ тѣлесно и духовно“ (ad. Magnes. с. 13).

Итакъ, пресвитерство, пресвитеріумъ составляютъ сенатъ и синедріонъ епископа. Названія эти возникли тогда, когда и сенатъ и синедріонъ были не мертвыми, а живыми еще, дѣйствующими учрежденіями, такъ что наименованіе это не могло придаваемо быть только honoris causa, а подразумѣвало живой, дѣйствительный смыслъ. Въ первобытной Церкви ничто впрочемъ не творилось и не говорилось только honoris causa, ибо слова имѣли еще всегда только дѣйствительное свое значеніе. Пресвитеры, совершая апостольское служеніе, занимая апостольскія мѣста, вопреки теоріи проф. Дмитріевскаго, являются также, вопреки той же теоріи, совѣтниками епископа или совѣтниками Церкви (*βουλοὶ τοῦ ἐπισκόπου* и *συμβουλοὶ τῆς ἐκκλησίας*, а не отдѣльныхъ только людей, просящихъ ихъ указанія), для чего при рукоположеніи испрашивается имъ даръ совѣта (*συμβουλίας*), какъ испрашивается и даръ правленія (*κυβερνήσεως*).

Осуществлялось ли въ дѣйствительности это назначеніе пресвитеровъ? Былъ ли пресвитеріей живую, реальную, дѣйствующую силою? Вопросы эти по существу сводятся къ вопросу о томъ: совершали ли епископы отступленія отъ достоюжнаго? Исторія Церкви, крайне скудная свѣдѣніями о подробностяхъ церковнаго строя и быта, останавливающая свое вниманіе на крупныхъ, главенствующихъ явленіяхъ, да и то преимущественно внѣшнихъ, можетъ представлять намъ только отдѣльные разрозненные факты. Но она дѣйствительно представляетъ ихъ. Приведу примѣры. „Такъ какъ это дѣло, пишетъ Кипріанъ Карфагенскому клиру (пресвитерамъ и діаконамъ), требуетъ общаго нашего совѣщанія и мнѣнія (sententia—опредѣленіе), то я не дерзаю напередъ судить его самъ и одному себѣ присвоивать общее дѣло“ (Письмо 16. Русск. пер. 138). „Знайते же,—пишетъ онъ клиру изъ добровольнаго своего заточенія, когда долженъ былъ скрываться отъ гоненія,—что я сдѣлалъ Сатура чтецомъ, а Оптата—исповѣдника иподіакономъ. Ихъ давно уже, по общему совѣту, мы причислили къ клиру: такъ

Сатуру неоднократно поручали мы чтеніе въ день Пасхи, а, когда съ пресвитерами — учителями мы тщательно испытывали чтецовъ, то Оптата изъ чтецовъ назначили мы учителемъ оглашенныхъ, изслѣдовавши прежде, имѣеть ли онъ свойства, какія должны быть у готовящихся въ клиръ. Итакъ, я не сдѣлалъ ничего новаго въ ваше отсутствіе, но только, вынужденный необходимостью, докончилъ то, что уже прежде было начато по общему совѣту всѣхъ насъ“ (Письмо 91, рус. пер. I, 152). „И хотя у меня,—пишетъ онъ оттуда же тому же клиру,—были сильныя желанія немедленно самому придти къ вамъ... чтобы вмѣстѣ съ вами обсудить и по общему совѣщаніи постановить то, чего требуетъ общая польза въ дѣлахъ церковнаго управленія, однако же я почелъ за лучшее остаться пока въ безопасномъ убѣжищѣ“ (Письмо 27. Русск. пер. I, 127). „Обыкновенно,—пишетъ Киприанъ пресвитерамъ, діаконамъ и всему народу,—мы предварительно совѣтуемся съ вами и общимъ голосомъ обсуживаемъ нравы и заслуги каждаго. Но нѣтъ нужды ожидать свидѣтельствъ человѣческихъ тамъ, гдѣ есть уже указанія божественныя. (Слѣдуетъ описаніе исповѣдническихъ подвиговъ юноши Аврелія) И такъ знайте, возлюбленные братья, что его то посвятилъ я съ пребывавшими здѣсь товарищами“ (несомнѣнно пресвитерами, вопреки теоріи проф. Дмитревскаго. Письмо 30. Русск. пер. I стр. 180—181). „А касательно того, что писали *сопресвитеры* наши..., я ничего не могу написать въ отвѣтъ *одному*, потому что съ самаго начала епископства моего я положилъ за правило (*statuerim*) ничего не дѣлать по одному своему усмотрѣнію безъ совѣта вашего и безъ согласія народа. (Письмо 28. Русск. пер. I, 175)“. „По передачѣ мнѣ всего дѣла, пишетъ Корнелій Римскій Киприану, я заблагоразсудилъ собрать пресвитеровъ, дабы, составивши соборъ, общимъ согласіемъ опредѣлить, что должно наблюдать относительно тѣхъ лицъ“, т. е. содѣйствовавшихъ рукоположенію Новата... „Когда это было сдѣлано, въ собраніе пресвитеровъ явились Максимъ, Урбанъ, Сидоній, Макарій и очень многіе изъ братьевъ, бывшихъ съ ними въ союзѣ, и усиленно умоляли предать все дѣло забвенію“ (Твор. Кипр. Русск. пер. I, 205).

Епифаній свидѣтельствуесть о Ноэтѣ, что онъ приведенъ былъ въ пресвитерію (*ἐπὶ πρεσβυτέρου ἀγομένος*), и пресвитеры отлучили его отъ Церкви (*ἐξέωσαν αὐτοῦ τῆς ἐκκλησίας* Haeres. LVII.

п. 1)“. О первомъ же отлученіи Арія тотъ же писатель сообщаетъ: „Созвалъ Александръ пресвитерій и нѣкоторыхъ другихъ, присутствовавшихъ (въ Александріи), чтобы произвести разслѣдованіе и допросъ; когда же обнаружена была правда, отлучилъ его отъ Церкви“ (Haeges. LXIX, п. 3). Полагаю, что приведенныхъ примѣровъ болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы признать фактическое *соправительство* пресвитеровъ и пресвитерія. Правда, что они иногда раздѣляютъ власть эту съ діаконами и мірянами, коими восполняется пресвитерій; но это доказываетъ только возможность и допустимость такого восполненія, отнюдь не умаляя необходимости признавать пресвитеровъ первыми и, такъ сказать, присяжными соправителями и совѣтниками епископа, къ исполненію каковаго служенія уполномочиваются они самимъ молитвословіемъ при ихъ рукоположеніи.

Намъ могутъ сказать,—ибо чего не могутъ сказать теперь, когда позабыто преданіе,—что епископы иногда добровольно дѣлили власть свою съ другими, облегчали себѣ трудъ церковнаго управленія, и хотя не творили черезъ то чего либо положительно возбраняемаго или предосудительнаго, они отступали тѣмъ не менѣе отъ достодолжнаго, отъ идеала, который якобы требуетъ единоличнаго усмотрѣнія (*privata sententia*, какъ говоритъ Кипріанъ, предпочитающій *commune consilium*) и личной одинокой власти, отъ всякаго соправительства и соучастія отрѣшенной. Все это вполнѣ отрицается данными, приведенными мною относительно пресвитерія, какъ корпораціи и учрежденія вообще, но чтобы возстановить позабытый и въ этомъ отношеніи идеаль епископства, приведу рѣшающія слова одного святого отца. „Имя епископства и само оно божественно и выше всякаго образа жизни гражданской,—говоритъ св. Исидоръ Пелузскій,—но священство (подразумѣвается епископство) прилично только нѣкоторымъ и немногимъ, именно же, держащимся той мысли, что оно есть отеческая попечительность, а не самоуправное самозаконіе. Поелику же измѣнили его во *властительство*, лучше же сказать, если надобно выразиться смѣлѣе, въ *самоуправство*, то знай, что объ этомъ видномъ и вожделѣнномъ начальствѣ, которое, если когда, то нынѣ возбуждаетъ къ себѣ въ людяхъ сильную любовь и легко отдаетъ себя въ руки любителямъ онаго, понятіе не высоко...

Ибо всего чаще надъ одними *начальствуютъ*, а другимъ раболѣпствуютъ, однимъ даютъ приказы, а другимъ услуживаютъ, однимъ дѣлаютъ зло, а другимъ милости, однихъ *даютъ*, передъ другими сами *надаютъ*, оныхъ боятся, а онымъ ненавистны. Посему не дивись, что пресвитеръ Іераксъ, какъ человѣкъ умный, бѣжалъ отъ этого сана, какъ отъ самой трудной болѣзни“. (Исидора Пелузіота. II, 125) ¹⁾ Sapienti sat.

Перейду къ вопросу о самостоятельности пресвитерскаго служенія, составляющему главный гвоздь всѣхъ разсужденій канонистовъ и литургистовъ предсоборнаго присутствія, коимъ необходимо доказать, что епископъ можетъ поручать, делегировать власть, ему исключительно, по сану, принадлежащую, для чего предварительно требуется доказать, что пресвитеры дѣйствуютъ и священнодѣйствуютъ только по его порученію, какъ его делегаты, неуполномоченные къ тому же служенію самимъ саномъ. Само собою разумѣется, что, говоря о самостоятельности, мы говоримъ о самостоятельности относительной, ибо непосредственно отъ Бога никто въ Церкви служенія не принимаетъ. Епископы избираются клиромъ и народомъ, или назначаются такъ или иначе людьми же, а затѣмъ рукополагаются епископами, по крайней мѣрѣ тремя, при молитвенномъ участіи всей Церкви, „ибо тайно не бываетъ рукоположенія“. Пресвитеры въ свою очередь избираются людьми же и въ свою очередь рукополагаются тоже епископомъ. Никакой разницы въ источникѣ и способѣ полученія благодати не существуетъ. Благодать ниспосылается свыше и не увеличивается отъ того, что въ рукоположеніи участвуютъ трое, а не одинъ. Разница не въ источникѣ благодати, не въ посредственности или непосредственности воспріятія, не въ зависимости отъ числа рукополагающихъ, а только и исключительно въ разности служенія, на которое совершается рукоположеніе. И пресвитеръ и діаконъ однимъ епископомъ рукополагаются; но одинъ рукополагается на одно служеніе, а другой на другое, одинъ на пресвитерство, а другой на діаконство. Не для увеличе-

¹⁾ Совершенно иную, рѣзко отличную отъ изображаемой Кипріаномъ, Корнелиемъ Римскимъ и др. практику церковнаго управленія, даже противоположную ей, изображаетъ высокопреосв. Димитрій Херсонскій въ обстоятельной и избилующей современными фактами рѣчи, произнесенной имъ въ предсоборномъ присутствіи (Церк. Вѣд. 1907 № 1 стр. 125—124)

нія силы и степени благодати требуется трое или болѣе епископовъ при рукоположеніи епископа, а по инымъ совершенно основаніямъ. Пресвитеръ дѣйствуетъ въ области, ввѣренной одному епископу, а епископъ въ области болѣе, ввѣренной собору епископовъ съ митрополитомъ во главѣ; потому и всѣ епископы области лично или заочно должны участвовать въ его рукоположеніи; по крайней мѣрѣ трое.

Но рукоположеніе не есть порученіе, уполномочиваніе или делегація; иначе и рукоположенный тремя епископами былъ бы уполномоченнымъ только трехъ епископовъ, его рукоположившихъ, или уполномоченнымъ делегатомъ только всѣхъ епископовъ своей области. Между тѣмъ епископъ, по основному взгляду Церкви и выраженіямъ св. отцовъ, есть епископъ всей католической Церкви въ ея совокупности, епископъ всѣхъ церквей ея составляющихъ. (Свидѣтельства отцовъ у Bingham. Origin. Lib. III, cap. 5). Скажутъ, что благодать посылается пресвитеру выше, но церковь поручается ему епископомъ, который можетъ направлять его въ тотъ или другой приходъ по своему усмотрѣнію,—можетъ, какъ это дѣлается нынче, переводить его изъ одного прихода въ другой за заслуги или въ наказаніе. Но и епископу поручается область избравшимъ его народомъ и затѣмъ совершающими его рукоположеніе, какъ и пресвитеру вручается приходъ черезъ самое его рукоположеніе (не говоря уже объ избраніи приходомъ) и при самомъ его рукоположеніи. „Рѣшительно никого ни во пресвитера, ни во діакона ниже въ какую степень церковнаго чина не рукополагаютъ иначе какъ съ назначеніемъ рукополагаемаго именно къ церкви города, или села, или мученической или къ монастырю. О рукополагаемыхъ же безъ точнаго назначенія святой соборъ опредѣлилъ почитать такое *рукоположеніе* не дѣйствительнымъ (*ἀξιολογῆσαι τὴν τοιαύτην χειροθέσιν*) и ничуть не допускати ихъ до служенія къ посрамленію *рукополагавшаго*“ (Халкид. 6). Итакъ, пресвитеры, какъ и епископы, получаютъ полномочія свои не по порученію рукополагавшихъ, а черезъ благодать, воспринимаемую при рукоположеніи, и могутъ вполнѣ самостоятельно совершать служеніе, на которое они рукоположены, что не устраняетъ подчиненности епископа собору и отвѣтственности передъ нимъ, какъ и подчиненности пресвитера епископу и отвѣтственности передъ нимъ. Епископъ руко-

положенъ въ свою парикію, по теперешнему епархію, а пресвитеръ рукоположенъ въ свою меньшую парикію, по теперешнему, приходъ.

IV.

„Предсоборнымъ канонистамъ“ въ виду особенностей възвѣщаемаго ими идеала Церкви, ими самими созидаемаго или заимствуемаго ими изъ плохихъ учебниковъ и школьныхъ тетрадей, необходимо было, во что бы то ни стало, доказать провозглашенное ими и якобы присущее епископу право уполномочивать іерархически подчиненныхъ ему лицъ къ совершенію тѣхъ или другихъ прерогативъ его сана и служенія,—право передачи или делегации. Вся церковная благодать сосредоточивается такимъ образомъ, по определѣнію ихъ, въ епископѣ, на коемъ лежатъ и всѣ функціи церковной жизни, отправляемая, однако, не имъ самимъ, или не имъ однимъ, по невозможности для него все отправлять самому, но и подчиненными ему іерархическими лицами—пресвитерами и діаконами, священодѣйствующими въ качествѣ его уполномоченныхъ, по передаваемой имъ соотвѣтственно тому благодати, источникъ которой находится въ немъ какъ преемственно воспріявшимъ его отъ апостоловъ, а апостолами отъ Христа.

Церковь дѣлится такимъ образомъ на уполномочивающихъ, т. е. епископовъ, уполномочиваемыхъ, т. е. пресвитеровъ, діаконѳвъ и вообще клириковъ и не имѣющихъ никакого уполномочиванія, т. е. мірянъ. Получается въ внѣшнемъ, формальномъ отношеніи весьма стройная система. Одинъ изъ предсоборныхъ канонистовъ (М. А. Остроумовъ) не затруднился даже придать ей наименованіе „іерократической системы“ или „іерократіи,“ хотя не только не имѣлось такого термина во всѣхъ памятникахъ канонической жизни и святоотеческой письменности, но и такого слова не существовало въ греческомъ языкѣ, что уже одно служить отчасти доказательствомъ того, что не существовало и такого понятія. Въ жизни римскаго католицизма терминовъ „іерократія“ и „іерократической“ тоже не возникало и не существуетъ, но потому только, что соотвѣтствующее имъ понятіе сложилось и образовалось въ ней только тогда, когда давно уже закончилась пора словообразованія и созиданія терминовъ. Да и въ обозначеніи системы особымъ терминомъ не представля-

лось уже никакой надобности, такъ какъ одно изъ звеньевъ системы и притомъ заключающее, увѣнчивающее ея звено, т. е. папство, само по себѣ не только выполнѣе ее опредѣляло, но и служило ей выполнѣе довлѣющимъ наименованіемъ. И какъ полна и совершенна эта система!

Міряне принадлежатъ Церкви черезъ священниковъ, которые крестятъ ихъ, вяжутъ и разрѣпаютъ, учатъ и пасутъ; священники производятъ все это, какъ уполномоченные епископовъ; епископы въ свою очередь являются уполномоченными римскаго первосвященника, орудіями его власти, а римскій первосвященникъ, какъ намѣстникъ Христа на землѣ, олицетворяетъ собой на землѣ Его власть и силу и черезъ епископовъ распространяетъ ихъ сперва на священниковъ, а затѣмъ черезъ нихъ уже на мірянъ. *Ecclesia est regnum Dei in terra, quod Pontifex Romanus per episcopos suos administrat.* По этой теоріи, безспорно стройной и послѣдовательной, можетъ быть одно только отношеніе между соприкасающимися другъ другу въ восходящей линіи членами или звеньями системы, передаваемое двумя словами: *reverentia et obedientia*, какъ и утверждаетъ совершенно справедливо проф. М. А. Остроумовъ, коему всецѣло принадлежитъ честь изобрѣтенія невѣдомыхъ для православной Церкви терминовъ „іерократія“ и „іерократическая система“. Что изображаетъ собою совокупность отношеній мірянъ или паствы къ священнику? *Reverentiam et obedientiam*. Чѣмъ выражается совокупность отношеній священниковъ къ епископу? *Reverentia et obedientia*. Чѣмъ выражается совокупность отношеній епископовъ къ римскому первосвященнику или папѣ? *Reverentia et obedientia*. Итакъ, всѣ дробныя величины церковной іерархіи, причисляя къ таковой и мірянъ, сводятся въ составѣ римскаго католицизма къ одному общему знаменателю, выражаемому словами: *reverentia et obedientia*. Исключеніе составляетъ только верховное звено іерархической цѣпи, т. е. римскій первосвященникъ или папа, который представляетъ собою Христа на землѣ, является намѣстникомъ его, замѣстителемъ, а потому и источаетъ изъ себя верховную власть, для земли въ немъ сосредоточенную, черезъ уполномоченныхъ отъ него посредственно и непосредственно, т. е. епископовъ и пресвитеровъ. Система делегации представляется такимъ образомъ законченной и завершенной.

Само собою разумѣется, что стройность и послѣдовательность этой системы представляется неуязвимой и неопровержимой только тогда, когда мы созерцаемъ ее сверху внизъ, т. е. исходимъ изъ готоваго уже, принимаемаго на вѣру понятія о намѣстничествѣ на землѣ римскаго первосвященника или папы. Оттого-то всѣ или почти всѣ римскіе канонисты и признаютъ, что вся система римскаго католическаго церковнаго права состоитъ въ безусловной зависимости отъ признанія духовнаго главенства непогрѣшимаго папы, въ качествѣ предмета или догмата вѣры. Уничтожься эта вѣра—и выпадетъ основаніе всей системы.

Но этого-то, обосновывающаго всю систему предмета вѣры, безъ котораго немыслима самая система, православная церковь, по несчастію для предсоборныхъ канонистовъ, до сихъ поръ еще не исповѣдывала и не исповѣдуетъ, а потому и построение системы делегации на православной почвѣ представляется весьма затруднительнымъ. Священникъ = пресвитеръ крестить, совершаетъ евхаристію, вяжетъ и разрѣшаетъ, исполняетъ вообще священное свое служеніе Церкви въ силу рукоположенія, полученнаго имъ отъ епископа, который въ свою очередь преемственно воспринялъ его отъ апостоловъ. Епископъ точно также крестить, совершаетъ евхаристію, вяжетъ и разрѣшаетъ, исполняетъ священное свое служеніе Церкви въ силу рукоположенія, полученнаго имъ отъ епископа же, который въ свою очередь воспринялъ его отъ апостоловъ, какъ и они отъ Христа. Въ послѣдованіи, съ которымъ совершается передача благодати и служенія, никакой разницы не существуетъ. Тотъ же первосвященникъ—Христосъ, то же первое звено длинной цѣпи преемства—апостолы, тотъ же промежуточный рядъ епископовъ, послѣдовательно передававшихъ другъ другу преемство, чтобы наконецъ черезъ послѣдняго члена длинной цѣпи передавать его новымъ ставленникамъ: епископамъ и пресвитерамъ. И пресвитеръ и епископъ воспринимаетъ путемъ того же преемственнаго ряда то же апостольское служеніе, но не въ одинаковой полнотѣ. Одинъ можетъ передавать всю совокупность своего служенія, рукополагать подобныхъ себѣ; другой этого не можетъ. Одинъ и въ восходящей и нисходящей степени остается частью преемственной цѣпи; другой состоитъ членомъ ея только въ восходящей линіи, возводящей его до апостоловъ, но не со-

стоитъ таковымъ въ нисходящей линіи, которая на немъ пресѣкается, такъ какъ рукополагать или, по выраженію молитвы Апостольскихъ Постановленій, „давать клиры“ онъ не можетъ. Въ этомъ состоитъ и вся разница; но она отнюдь не маловажна, такъ какъ влечетъ за собою соотвѣтствующія послѣдствія.

Епископъ мыслимъ только въ такой церкви, которая даетъ или дала уже отъ себя отпрыски въ видѣ младшихъ по времени происхожденія церквей, въ коихъ воздвигаются или воздвигнуты „другіе алтари“, требующіе рукоположенія для нихъ священниковъ, а потому и наличности среди нихъ рукополагающаго т. е. епископа. Священники=пресвитеры также предостоятъ алтарю, какъ и священники=епископы, также имѣютъ ввѣренный имъ народъ, также пасутъ свое стадо, какъ и священники=епископы, но церкви ихъ не имѣютъ отъ себя отпрысковъ, не состоятъ матерями церквей, а потому и предстоящіе имъ не имѣютъ необходимости рукополагать, въ силу чего и не уполномочиваются къ тому при рукоположеніи. „Прямо (*ἀπλῶς*) не подобаетъ ставить епископа въ село, или въ малый городъ, или такой, которому достаточно одного пресвитера, ибо нѣтъ надобности (*οὐκ ἀνάγκαιον γάρ*) ставить тамъ епископовъ, дабы не умалялось (*κατετελιξήσθαι*—продешевлялось) имя и достоинство епископа“ (Сардик. 6). Чѣмъ же можетъ умаляться и обезцѣниваться имя и достоинство или власть (*αὐθεντία*) епископа? Разумѣется не скудостью тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыя можетъ представить для содержанія епископа село или небольшой городъ. Апостольскія правила предполагаютъ, что епископъ можетъ имѣть и собственное свое имущество, предоставляя ему употреблять на себя часть церковныхъ доходовъ только въ случаѣ, если онъ нуждается, а на доходы церкви побуждая смотрѣть какъ на достояніе бѣдныхъ. Это уже доказываетъ, что необходимость имѣть епископа не ставится въ непосредственной зависимости отъ богатства или бѣдности города. Этимъ не удешевлялись бы имя и власть епископа. Но если бы въ городѣ достаточно было одного, а не нѣсколькихъ пресвитеровъ, то поставленному въ ней епископомъ не приходилось бы рукополагать, ибо некого было бы рукополагать, а потому онъ исполнялъ бы только пресвитерское служеніе, былъ бы только пресвитеромъ, нося-

щимъ имя епископа и облеченнымъ властью ему излишней, не нужной и оставляемою втуне.

- Итакъ, условіемъ для необходимости поставленія епископа требуется наличность въ городѣ и его округѣ не одного, а нѣсколькихъ пресвитеровъ, т. е. не одного, а нѣсколькихъ алтарей или храмовъ, изъ которыхъ къ каждому тяготѣетъ своя самостоятельная паства—приходъ (*παροικία*), а потому представляется необходимость своевременнаго рукоположенія для нихъ пресвитеровъ, діаконовъ и т. д. Такимъ образомъ приходъ епископа (*παροικία τοῦ ἐπισκόπου*) обязательно обнимаетъ собою нѣсколько приходовъ пресвитеровъ (*παροικία τοῦ πρεσβυτέρου*), но и тотъ и другія составляютъ приходъ, или стадо, ввѣренное епископу или пресвитеру. Само собою разумѣется, что приходъ (*παροικία*) епископа обнимаетъ собою всѣ приходы (*παροικία*) рукоположенныхъ имъ пресвитеровъ и въ стадѣ его объединяются всѣ ихъ стада.

Въ настоящее время мы сосредоточиваемъ вниманіе только на степени посредственности или непосредственности полученія епископомъ и пресвитеромъ необходимой для церковнаго служенія ихъ благодати и можемъ констатировать только то, что эта степень посредственности и непосредственности совершенно одна, какъ для епископа, такъ и для пресвитера. И тотъ и другой получаютъ благодать эту не непосредственно, а черезъ посредство одного или нѣсколькихъ епископовъ, по крайней мѣрѣ трехъ для епископа, но передаетъ ли одинъ епископъ или передаютъ нѣсколько, передается во всякомъ случаѣ то, что воспринято черезъ длинный рядъ преемства отъ апостоловъ, а апостолами отъ Христа, при чемъ степень посредственности въ обоихъ случаяхъ остается совершенно тождественной себѣ и неизмѣнной. Потому, если смотрѣть на пресвитера, какъ на уполномоченнаго отъ епископа и отъ него, а не отъ Церкви получившаго благодать, то и на епископа необходимо будетъ смотрѣть какъ на уполномоченнаго трехъ или болѣе епископовъ, совершавшихъ его рукоположеніе. Сама по себѣ степень и мѣра преподаваемой благодати стоитъ внѣ всякой зависимости отъ числа рукополагающихъ, ибо еслибы представить епископа высшимъ по благодати потому только, что его рукополагаютъ три епископа, а не одинъ, какъ достаточно для рукоположенія пресвитера, то необходимо было бы признать, что и епископъ въ рукополо-

женіи котораго участвовало шесть или болѣе епископовъ, по степени благодати выше того, въ рукоположеніи котораго участвовало только три.

Итакъ пресвитеръ рукополагается въ заранѣ опредѣленный приходъ для того, чтобы совершать въ немъ всѣ священнодѣйствія, кромѣ рукоположенія клириковъ, при чемъ получаетъ потребную для того благодать столь же посредственно въ внѣшнемъ отношеніи и столь же непосредственную въ внутреннемъ, какъ и епископъ, объемъ служенія котораго расширяется еще полномочіемъ „давать клиры“, т. е. возводить въ священныя степени черезъ рукоположеніе. Но того, что принадлежитъ только ему, т. е. рукоположенія епископъ *делегировать* не можетъ ни пресвитеру, ни діакону, а потому и на производимое имъ рукоположеніе никоимъ образомъ нельзя смотрѣть, какъ на делегацию отъ себя. Вообще система делегации—*jus delegationis*, имѣющая себѣ относительное, хотя и искусственное оправданіе въ римскомъ католицизмѣ, въ области православія никакого оправданія и обоснованности не имѣетъ. Оттого-то въ свое время, т. е. въ предсоборномъ присутствіи я и назвалъ все, усердно провозглашенное делегационное право только каноническимъ мифомъ или апокрифомъ.

Рукоположеніе—не делегированіе епископомъ, не удѣленіе имъ отъ благодати, въ свое время преемственно имъ полученной, а молитвенное испрошеніе благодати Духа Святаго отъ Бога, Его ниспосылающаго, обязательно соединенное съ возложеніемъ рукъ епископа. Ставленникъ епископа не становится въ силу того делегатомъ или уполномоченнымъ епископа, ибо полномочіе испрашивается и передается свыше. Рукополагая пресвитеровъ и діаконівъ, епископъ не передаетъ имъ прерогативъ своего сана и служенія, но сообщаетъ имъ только то, въ чемъ онъ является „сопресвитеромъ“ ихъ, по выраженію Ап. Петра (1 Петр. V, 1) и „содіакономъ“ въ качествѣ сослужащаго. Можетъ ли епископъ, помимо рукоположенія, которое съ делегацией ничего общаго не имѣетъ, передавать іерархически подчиненному ему лицу путемъ делегации тѣ или другія прерогативы вѣрннаго ему служенія? „Предсоборные канонисты“ не затрудняются разрѣшать вопросъ этотъ въ положительномъ смыслѣ, и даже самое право делегации (*jus delegationis*) признаютъ основною прерогати-

вою епископства. Прежде чѣмъ разобрать приводимые ими доводы, остановлюсь на примѣрѣ, указанномъ мнѣ въ частномъ разговорѣ однимъ, уважаемымъ мною канонистомъ, не сходящимся въ другихъ отношеніяхъ съ „предсоборными“. — „Права делегаціи, говорилъ онъ, нельзя отрицать: напр. епископъ можетъ поручать священнику совершить освященіе престола, чего не можетъ совершать пресвитеръ безъ особаго на то съ его стороны порученія“. Я полагаю, что въ словахъ этихъ заключается нѣкоторое недоразумѣніе. Освященіе престола не тайнодѣйствіе, требующее особыхъ благодатныхъ даровъ, присущихъ епископу, но неприсущихъ пресвитеру. Самый чинъ богослуженія можетъ совершать пресвитеръ, какъ можетъ совершать его и епископъ, ибо иначе епископъ не могъ бы поручать его пресвитеру, какъ не можетъ поручать ему рукоположенія. Не совершеніе самаго богослуженія при освященіи храма составляетъ прерогативу епископа, но самый храмъ не можетъ быть воздвигнутъ, стать мѣстомъ тайнодѣйствія и богослужебныхъ собраній безъ изволенія и разрѣшенія епископа. Храмъ не можетъ быть освященъ, пока не разрѣшитъ освятить его епископъ, и это то именно разрѣшеніе и составляетъ прерогативу епископской власти, входитъ въ составъ его служенія. Итакъ, епископъ можетъ поручить пресвитеру произвести освященіе храма, ибо самый обрядъ освященія не выходитъ за предѣлы пресвитерскаго служенія; но онъ не можетъ поручить пресвитеру разрѣшать или не разрѣшать освященіе храмовъ, ибо всякое водруженіе новаго алтаря требуетъ соизволенія епископа, которое отчуждаемо имъ быть не можетъ, какъ не можетъ быть и передаваемо другому или делегируемо другому, входя въ составъ епископскаго служенія, составляя его прерогативу. Епископъ можетъ сказать священнику: освяти храмъ и воздвигни въ немъ святой престоль! но не можетъ сказать тому же священнику: разрѣши освятить храмъ и водружить престоль въ немъ! ибо это неотчуждаемая его прерогатива.

V.

Проф. А. А. Дмитріевскій утверждаетъ, что „священники и діаконы имѣли право суда, но получали это право черезъ особую хиротонію“. Основываетъ онъ это утвержденіе на

найденномъ имъ въ рукописи XIV вѣка и изданномъ имъ чинъ хиротоніи ставрофора (*τάξις ἐπὶ χειροτονία σταυροφόρου*), что, по его словамъ обозначаетъ судью. Прежде чѣмъ разсматривать самый чинъ, его значеніе и отношеніе къ дѣлу, освободимъ его отъ вставокъ, которыя произвольно внесены г. Дмитриевскимъ въ предложенный имъ вниманію предсоборнаго присутствія переводъ.

По переводу г. Дмитриевскаго, патріархъ возглашаетъ такъ: Благодать Всесвятаго Духа пророчествуетъ тебя въ великаго *страврофора т. е. судію* святѣйшей великой Божіей Церкви“. Въ подлинникѣ же, какъ издалъ его самъ г. Дмитриевскій, читается вовсе не такъ, ибо подчеркнутыя слова „ставрофора т. е. судію“ принадлежать только г. Дмитриевскому и внесены имъ только при передачѣ текста въ предсоборномъ присутствіи (Церк. Вѣд. 1906. № 51—52 стр. 218). Въ текстѣ же возглашенія читается такъ: *Ἦ χάρις τοῦ πνεύματος προεφίξεται δὲ (τοῦ) μέγαρ τῆς ἀγιοτάτης τοῦ Θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας* (Дмитриевскій. Описаніе литург. рукописей П 319). Далѣе г. Дмитриевскій говоритъ, что хиротонисуемый „цѣлуется и съ прочими ставрофорами (судьями)“. Въ подлинникѣ опять о судьяхъ ничего не говорится; сказано только: „цѣлуется колѣно, руку и щеку патріарха, а также цѣлуется прочихъ ставрофоровъ“. Ставрофорами т. е. крестоносцами, по кресту на шляпахъ, были всѣ чины первой пентады праваго хора, т. е. экономъ, сакелларій, скевофилаксъ, хартофилаксъ, сакеліонъ (*σακέλιον, σακελλαρίος μικρός* или *δευτερός*). Въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія распоряженіемъ патріарха Георгія II Ксифилина (1193 — 1199 г.) къ ставрофорамъ, въ качествѣ шестого члена первой пентады, присоединенъ былъ протѣкдикъ ¹⁾.

Въ византійской церкви никогда не существовало ни чина, ни должности, ни служенія ставрофора вообще, а потому и хиротонія ставрофора вообще безъ указанія должности, несеніе которой сопровождается ношеніемъ креста на головномъ уборѣ и одеждѣ, представляется по меньшей мѣрѣ страннымъ. Великій экономъ, принадлежавшій къ числу ставрофоровъ или эксокатакиловъ и стоявшій даже первымъ въ спискѣ пентады, посвящался только въ великіе экономы, а не въ

1) Zhischmann: Die Synoden und Episcopalamter d. morgenl Kirche p 136

ставрофоры, причѣмъ ставрофоромъ или крестоносцемъ при посвященіи вовсе не именовался (Goar. 232). При хиротоніи хартофилакса произносилась формула, заимствованная изъ Числъ XXVII, 16. (Balsamon. Medit. V. Zhischnn, 208). Въ качествѣ сѣмвола служенія ему вручалось не евангеліе, какъ въ послѣдованіи хиротоніи, изданномъ у Дмитріевскаго, а кольцо (Тамъ-же *Zhischn*, 207). Протекдику вручалось евангеліе съ словами Матѣ. VII, 2, какъ и въ чинопослѣдованіи Дмитріевскаго.

Итакъ, общаго для поставленія ставрофоровъ чинопослѣдованія не существовало и не могло существовать, а найденное и изданное г. Дмитріевскимъ относится не къ поставленію ставрофора вообще, а только къ поставленію одного изъ ставрофоровъ, именно протекдика.

Что же представляетъ изъ себя самое послѣдованіе? Рядъ дѣйствій, не сопровождаемыхъ молитвами, кромѣ общихъ молитвъ въ концѣ, не имѣющихъ отношенія къ возведенію въ степень. (Благословенъ Богъ... Трисвятое, отпустительный тропарь Спасителю)... Ставленникъ выходитъ изъ алтаря и подходитъ къ сидящему внѣ алтаря патріарху. Хартофилаксъ творитъ метанія, держитъ за голову имѣющаго хиротонисаться, произноситъ: повелите, а патріархъ возглашаетъ, точнѣе объявляетъ, поднявъ правую руку, сложенную для благословенія: Благодать Всесвятаго Духа проручествуетъ тебя великимъ (вѣроятно пропущено: протекдикомъ) святѣйшей Божіей и великой Церкви“. Хиротонисуемый цѣлуетъ колѣно, руку и щеку, потомъ цѣлуетъ прочихъ ставрофоровъ. Приносятся евангеліе, и патріархъ вручаетъ его хиротонисуемому, говоря: „Прими святое евангеліе и суди по писанному въ немъ и т. д. Хиротонисуемый цѣлуетъ руку епископа, а *епископіане* вмѣстѣ съ пресвитеромъ и діаконами, послѣ указанныхъ выше молитвъ „благочестно (*ἀρετίως*) сажаютъ хиротонисуемаго на патріаршій тронъ. Подъ *епископіанами* подразумѣваетъ г. Дмитріевскій „епископскихъ сановниковъ“, что придаетъ въ его глазахъ церемоніи особо возвышенный строй. Но это—ошибка. Епископіанами (*ἐπισκοπίνοι*) назывались не „сановники“, не архонты, не высшіе церковные чины, а домашняя челядь епископа (*οἱ ἐπισκοπικοί, βοιωτικά, ἐπιβουλεύονοι*), подчиненная хартофилаксу, подотчетная ему и не имѣвшая другого литургическаго назначенія, кромѣ вос-

пѣванія *εις πολλὰ ἔτη* по діаконскомъ возглашеніи ¹⁾. Оттого то и посажденіе ими на тронъ хиротонисуемаго сопровождается многолѣтіемъ царямъ, патріарху и самому хиротонисуюмому ²⁾.

Необходимо прежде всего отмѣтить, что въ приведенномъ выше чинопослѣдованіи какого либо рукоположенія т. е. хиротоніи или хиротесіи вовсе не совершается. Не совершаются также ни обряды ни возглашенія, обычно рукоположенію предшествующія, ни призывъ всего народа къ молитвѣ о ниспосланіи Св. Духа, ни самая молитва о ниспосланіи. Формула „Благодать Всесвятаго Духа и т. д.“ отнюдь не является соотвѣтствующею по значенію формулъ: „Божественная благодать и т. д.“, или замѣняющею ее. Въ тѣхъ чинопослѣдованіяхъ, въ которыхъ имѣетъ мѣсто эта послѣдняя формула, формула „Благодать Всесвятаго Духа“ нерѣдко предшествуетъ ей и даже неоднократно ³⁾ и это объясняется очень просто. Формула „Божественная благодать“ составляетъ оповѣщеніе народу, который и призывается къ сопутствующей рукоположенію молитвѣ; формула: „Благодать Всесвятаго Духа“ обращена къ самому ставленнику и равносильна только объявленію ему о состоявшемся назначеніи его на должность. Проф. Дмитріевскій слова 2-ой молитвы при рукоположеніи діакона: „не бо въ возложеніи рукъ моихъ и т. д.“ объясняетъ, какъ выраженіе смиренія епископа. Отожествленіе личнаго своего назначенія съ проручествомъ Всесвятаго Духа является свидѣтельствомъ какъ разъ противнаго. Поэтому и формула эта является только въ весьма позднихъ спискахъ чинопослѣдованій. При отсутствіи возложенія рукъ равно какъ и молитвъ, ему предшествующихъ и его сопровождающихъ, найденное и изданное г. Дмитріевскимъ чинопослѣдованіе можетъ называться хиротоніей только въ томъ смыслѣ, который пріобрѣло это слово въ формулярахъ позднѣйшаго византійскаго двора, т. е. въ смыслѣ простого назначенія на должность. „Іерархическимъ посвященіемъ“ въ свою очередь описываемый обрядъ совершенно нельзя назвать, ибо въ немъ совершенно отсутствуютъ какъ посвящающія молитвы, такъ и посвящающія возгла-

1) Zhischmann. p. 171

2) Мы воспроизводимъ только изложеніе г. Дмитріевскаго.

3) *Неселовскій* Хиротоніи и хиротесіи. 1906. стр. 233 256. 262. 263

шенія. Если и упоминается о „Всесвятомъ Духѣ“, то исключительно только какъ о дѣйствовавшемъ до совершаемаго объявленія о назначеніи въ должность, а не въ немъ. „Благодать Всесвятаго Духа“ предполагается выразившеюся въ самомъ изволеніи патріарха назначить то или иное лицо на ту или иную должность.

Достойно примѣчанія, что даже обряды хиротоніи гражданскихъ чиновниковъ, получившіе отчасти церковный характеръ, ближе воспроизводятъ внѣшній обликъ хиротоніи—рукоположенія, чѣмъ описанный выше обрядъ, хотя, подобно ему, не заключаютъ въ себѣ самаго рукоположенія. „При производствѣ въ кивокуларіи (постельничіе, спальники) одежды предстоящаго служенія развѣшивались въ святыхъ вратахъ въ дворцовой церкви св. великомученика Феодора. Сюда приводился возводимый, и препозиту (подразумѣвается *praepositus sacri cubiculi*—священной опочивальни) обращался къ нему съ такою рѣчью: „Вижь, откуда приемлещи достоинство. Всячески явно, яко отъ святыхъ вратъ. И о томъ помысли, *яко отъ руки Господни сіе приемлещи*; внимай себѣ, да до скончанія живота твоего вся сія соблюдеши, дарованія въ сердцѣ твоємъ положивый и, лучшими добродѣтелями украшаяся, большая степени чести отъ щедродательнаго и божественнаго самодержца нашего уллучиши, и славенъ въ *священномъ* кувукліи (спальной) будещи“. Возводимый въ чинъ трижды поклонялся передъ алтаремъ, послѣ чего его облачали въ снятыя съ святыхъ вратъ одежды и лобызали. Изъ церкви всѣ выходили въ хризотриклинь, гдѣ возсѣдалъ на тронѣ императоръ. Приближаясь къ трону, возводимый совершалъ три поклона, а потомъ цѣловалъ ноги у царя. Обрядъ кончался лобзаніемъ новаго кувукуларія (спальника).

При возведеніи въ военные и нѣкоторые другіе чины возводимый поклонялся по обычаю императору, а тотъ обращался къ нему съ рѣчью, въ которой убѣждалъ достойно проходить свое служеніе. Затѣмъ говорилъ ему: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, еже о Господѣ царское величество наше творить тя...“ Возводимый поклонялся и цѣловалъ ноги императора“. При производствѣ въ чины второй группы (куропалата, магистра, препозита, патриція, предсѣдателя сената и т. д.) императоръ садился въ той или другой залѣ Большого дворца на тронѣ. По знаку, данному имъ, препозиту

или церемониймейстеръ, одинъ или съ кѣмъ либо, вводилъ возводимого въ залу. Вступивъ въ залъ, этотъ послѣдній клалъ земной поклонъ трижды, постепенно приближаясь къ трону. Поднявшись на ступеньки его, онъ опять поклонялся и цѣловалъ ноги и колѣно императора. Получивъ изъ рукъ государя одежду, возводимый цѣловалъ ему руки и выходилъ изъ залы, чтобы надѣть ее. Возвратившись, онъ снова поклонялся императору, который возлагалъ на него остальные знаки его достоинства. Заканчивался обрядъ возглашеніемъ императору многолѣтія“. (*Геромонахъ Іоаннъ*. Обрядникъ византійскаго двора — de caeremoniis aulae Bysantinae. Москва. 1895 г. стр. 192—194).

Не трудно замѣтить существенное тожество описанныхъ выше обрядовъ возведенія въ гражданскіе чины съ обрядомъ пресловутаго возведенія въ чинъ ставрофора. На первомъ мѣстѣ стоятъ приведеніе возводимого къ императору или патриарху, земные поклоны, многократныя цѣлованія руки, колѣна, ногъ (у патриарха щеки), привѣтственное лобзаніе самого возводимого, провозглашеніе многолѣтія. Объявленіе возводимому о его назначеніи оповѣщается какъ дѣйствіе *руки Господней* (императоромъ и препозитомъ) или какъ дѣйствіе „благодати Всесвятаго Духа“ (патриархомъ). Формулъ императора: во имя Отца и Сына и св. Духа, еже о Господѣ величество наше творить тя...“ воплиѣ соотвѣтствуетъ употребляемая въ другихъ послѣдованіяхъ того же рода формула патриарха: „Благодать Всесвятаго Духа черезъ нашу (или мою) мѣрность (*μετρίωτης*) проручествуетъ тебя“... или: „Благодать Пресвятаго Духа черезъ наше смиреніе имѣетъ тя“... Царь и патриархъ при возведеніи въ чинъ открыто объявляли себя или объявлялись другими въ качествѣ орудій или органовъ Бога или св. Духа, что не только не имѣло мѣста, но и положительно отрицалось при возведеніи въ церковныя степени черезъ рукоположеніе („не бо въ наложеніи рукъ моихъ“). Почти всѣхъ чиновниковъ при возведеніи въ чинъ представляли остальнымъ такими словами: „Царь нашъ святой, *Богомъ водимый*, сотвори сего бытъ...“ (*Геромонахъ Іоаннъ*. Обрядникъ, стр. 194). Отсюда не иное значеніе имѣетъ и оповѣщеніе о возведеніи въ церковный чинъ „благодатью Всесвятаго Духа“ черезъ „мѣрность“ или „смиреніе“ патриарха.

Проф. А. А. Дмитриевскій въ словесныхъ объясненіяхъ предсоборному присутствію, къ сожалѣнію пропущенныхъ въ печатномъ журналѣ, завѣрялъ, что позднее происхождение списка, въ которомъ нашель онъ „чинъ хиротоніи (?) ставрофора, не препятствуетъ самому чину восходить“ въ глубокую древность, такъ какъ могутъ оказаться найденными и болѣе древніе списки. Отъ этого убѣжденія надо, однако, разъ навсегда отказаться. Найденный чинъ хиротоніи (?) представляетъ чинъ возведенія въ должность протекдика. Между тѣмъ только въ послѣднихъ годахъ XII столѣтія (1194—1199 г.) протекдикъ причисленъ къ первой пентадѣ патріаршихъ сановниковъ т. е. къ ставрофорамъ или эксакатакиламъ. Ранѣе этого срока открытое г. Дмитриевскимъ чинопослѣдованіе возникнуть, разумѣется, не могло, а это уже далеко не „глубокая древность“. Но, увы, оно не могло возникнуть даже и въ это время, а возникло только въ четырнадцатомъ столѣтіи, въ которомъ написанъ и содержащій его евхологій библиотеки Саввы Освященнаго, заключающій въ себѣ впрочемъ и приписки 15 и 16-го вѣка.

Дѣло въ томъ, что найденный г. Дмитриевскимъ чинъ ничѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ лишнихъ поклоновъ и цѣлованій, не отличается отъ „чина великаго нареченія“ во епископа—*τάξις τοῦ μεγάλου μητροπολίτου*. Опущено прохожденіе нарекаемаго епископа черезъ орда и вставлено врученіе евангелія, какъ особенность возведенія въ должность протекдика; въ остальномъ же открытое чинопослѣдованіе является только повтореніемъ „чина великаго нареченія“. Между тѣмъ этотъ послѣдній чинъ встрѣчается въ спискахъ, только начиная съ 14-го столѣтія, и отсутствуетъ въ чинопослѣдованіяхъ IX, XI и послѣдующихъ вѣковъ, когда на него не дѣлается даже указаній“. На ряду съ указанными выше редакціями нашего чина (т. е. хиротоніи епископа), говоритъ г. Неселовскій, въ памятникахъ древности, начиная съ XIV вѣка, мы находимъ особую редакцію весьма сложную и во многомъ непохожую на раньше нами разсмотрѣнныя. Въ послѣднихъ указывалось только то, какъ совершать самое рукоположеніе, но ничего не говорилось объ обрядахъ, имѣвшихъ мѣсто до и послѣ рукоположенія. Вотъ этотъ то пробѣлъ восполняютъ нѣкоторые памятники, сохранившіеся отъ XIV вѣка“. (Неселовскій 329). Первоначальный видъ этого „великаго нарече-

нія“ подробно описанъ у Симеона Солунскаго и представляеть только основныя черты того чина, который воспроизведенъ „при хиротоніи (?) ставрофора“. Въ назначенный для нареченія день собирались въ храмѣ „вся церковь и всѣ чины“. Предназначенный къ епископству входилъ внутрь священнаго алтаря, произносилъ „славословіе Богу“ (т. е. Слава святѣй и т. д.), послѣ чего читались: „Трисвятое“, „Отче нашъ“ и всѣ другія молитвы. По совершеніи отпуска, избранный становился въ священныхъ вратахъ алтаря, а посланные отъ архіепископа говорили: „Святѣйшій архіепископъ и его священный соборъ нарекають священство твое въ архіерея N церкви“. Избранный благодарить Бога, архіепископа и соборъ, и выражаетъ надежду усердно послужить Богу въ вѣренномъ ему дѣлѣ“. Послѣ нареченія совершалось первое цѣлованіе избраннаго. Нареченный приводился къ архіепископу, у котораго собирались предварительно всѣ наличные епископы и занимали мѣста по обѣимъ его сторонамъ. Явившись въ это собраніе рукополагаемый кланялся трижды, цѣловалъ епископа въ колѣно, руку и ланиту, а прочихъ епископовъ въ уста и садился, но не на престолѣ епископскомъ, а особо на нѣкоторомъ мѣстѣ, ниже (епископскихъ престоловъ), потому что не получилъ еще достоинства ¹⁾).

Значительно ближе къ предполагаемой хиротоніи ставрофора чинопослѣдованіе „великаго нареченія“ по тому же евхологію библиотеки Саввы Освященнаго. Воспроизведемъ его, минуя все относящееся къ орлу, о которомъ ничего не говоритъ Симеонъ Солунскій, какъ объ обрядѣ въ его время очевидно не существовавшемъ, равно какъ и къ исповѣданію вѣры нарекаемымъ. „Когда приблизится время литургіи служители (*οἱ ὑπηρέται*), какъ и епископіане въ чинѣ хиротоніи ставрофора, готовятъ тронъ (*τὴν ἀναβάθραν*) архіерея, ставя его внутри храма противъ царскихъ дверей или въ нартексѣ, а въ концѣ ступеней ставятъ съ обѣихъ сторонъ епископскіе троны; передъ ними рисуется орелъ... Архіерей (т. е. архіепископъ или патріархъ) всходилъ на тронъ. Хартофилаксомъ вызывались сначала пѣвцы, возглашавшіе *εἰς πολλὰ ἔτη* и т. д., затѣмъ архонты, эскокатакилы и наконецъ епископы, которые

¹⁾ Неселовскій, 231.

кланяясь архіерею, занимали назначенныя имъ мѣста. „Подъ конецъ призывали избраннаго (*τὸν ἐποψήφιον*), который, выйдя въ бѣлой фелони и епитрахили, кланялся и ставъ противъ патріарха, читалъ свое исповѣданіе вѣры. И по прочтеніи хартофилаксъ подходитъ къ мѣсту, гдѣ стоитъ избранный (*ὁ ἐποψήφιος*), и, взявъ правою рукою его голову, непокрытую ничѣмъ (*ἀσκεπὴ οὐραν*) возглашаетъ: повелите! и когда всѣ встанутъ, встаетъ архіерей и, имѣя руку простертой къ нему, возглашаетъ: „Благодать Всесвятаго Духа черезъ мою мѣрность проручествуетъ тебя митрополитомъ богоспасаемаго града такого-то“. И пѣвцы поютъ трижды: *εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα*, хартофилаксъ же держа *хиротонисуемаго* съ головы, подходитъ съ нимъ къ архіерею и указываетъ ему поцѣловать правое колѣно, правую руку и правую ланиту архіерея. Затѣмъ отходитъ къ епископамъ и цѣлуетъ ихъ въ уста. И снова ставитъ его хартофилаксъ въ обычное мѣсто и, снова наклонивъ ему голову, возглашаетъ: повелите! И, снова воставъ, архіерей, имѣя также простертою руку, возглашаетъ: „Благодать Всесвятаго Духа да будетъ съ тобою“. Пѣвцы снова поютъ трижды *εἰς πολλὰ...* И помедливъ нѣкоторое время, великій хартофилаксъ передаетъ его (нареченнаго) служителямъ (т. е. епископіанамъ) и отходятъ съ нимъ во святой алтарь. И одѣвъ все святое облаченіе и епигонатій (набедренникъ), садится въ діаконникъ“¹⁾.

Чинъ хиротоніи ставрофора, открытый и изданный г. Дмитріевскимъ, представляетъ такимъ образомъ совершенно точную копію или передѣлку явившагося въ 14-мъ столѣтіи чина „великаго нареченія“. Такъ какъ этотъ послѣдній въ спискахъ составляетъ одно цѣлое съ чиномъ рукоположенія, нарекаемый или избранный называется въ немъ иногда и хиротонисуемымъ, ибо нареченіе и рукоположеніе составляютъ какъ бы одинъ актъ. Составитель чина возведенія въ степень ставрофора, слѣдуя своему образцу, назвалъ возводимаго хиротонисуемымъ, а потому и самый обрядъ хиротоніей, хотя рукоположенія, хиротоніи въ немъ вовсе не заключается. Составитель только три раза отступаетъ отъ своего образа.

Во-первыхъ, онъ слегка видоизмѣняетъ формулу возвѣще-

1) *Дмитріевскій* 298—300.

нія о назначеніи. Но въ этой формулѣ, очевидно испорченной, есть несомнѣнный пропускъ переписчика, а именно отсутствуетъ указаніе самаго чина, должности и стоитъ совершенно излишнее *τον: προχειρίζεται δὲ (τον) μέγαν... της κτλ.* Отсутствующія слова „черезъ мою мѣрность“ можетъ быть тоже только пропущены переписчикомъ, если онъ и составитель не одно и то же лицо. Во-вторыхъ, вставлено врученіе евангелія съ соотвѣтствующими словами, что и практиковалось дѣйствительно при назначеніи протекдика ¹⁾. Въ третьихъ, ставрофоръ яко бы сажается епископіанами на патріаршій тронъ, тогда какъ рукополагаемый въ епископы уводится тѣми же епископіанами въ алтарь и садится или сажается въ діаконикѣ. Это посаженіе на тронъ патріаха, по теоріи г. Дмитріевскаго, соотвѣтствуетъ *намѣстничеству* ставрофора ²⁾.

Но это посаженіе на тронъ патріарха, о которомъ нигдѣ и никогда не говорится, даже и въ этомъ чинопослѣдованіи, составляетъ только призракъ толкователя т. е. г. Дмитріевскаго, объясняемый, впрочемъ, нѣкоторою спутанностью самаго текста чинопослѣдованія, представляющаго своего рода выдержки изъ служащаго основаніемъ образца. Обратимъ вниманіе на то, что въ чинопослѣдованіи ничего не говорится объ уходѣ патріарха, а потому надо полагать, что патріархъ остается до конца описываемаго въ чинопослѣдованіи. „Принявшій евангеліе цѣлуетъ руку патрарха, служителями готовится тронъ патріарха“ (Ясно, что при самомъ патріархѣ и какъ бы для него). Объ удаленіи патріарха нѣтъ рѣчи и дальше, а потому надо полагать, что ставрофоръ, въ качествѣ намѣстника, сажается на патріаршій тронъ въ присутствіи самаго патріарха, котораго долженъ онъ, якобы, замѣщать въ отсутствіи, чего никогда, ни въ какой области и нигдѣ не бывало. По общему порядку всѣхъ возведеній въ степени и должности, возводимый по окончаніи всѣхъ церемоній становился или садился на соотвѣтствующее новому сану его мѣсто, если такое существовало. Гдѣ же было мѣсто сидѣнія эксокатакиловъ?

Въ церкви и въ собраніяхъ они садились, какъ ближайші-

1) Zhischmann, 207.

2) Ц. Вѣд. 1906 № 51 стр. 215

шіе патріарху, выше не только пресвитеровъ, но и епископовъ, именно на ступеняхъ воздвигаемой для патріарха анабаты т. е. снабженнаго ступенями возвышеннаго мѣста каедръ или трона. ¹⁾ Въ чинѣ „великаго нареченія“ передъ началомъ обѣдни, для которой патріархъ выходитъ именно изъ стасидіона, готовится служителями (т. е. тѣми же *ἐπηρέταις*) анабаты для патріарха и по обѣимъ сторонамъ ея троны (*θρόνοι*) для епископовъ. Когда патріархъ взойдетъ и возсядетъ на анабаты, вызываются хартофилаксомъ церковныя чины, сперва архонты, при чемъ эксокатакилы садятся на ступеняхъ анабаты (*οἱ μὲν ἐξοκατάκληλοι καθήρτοι ἐν ταῖς βάθμοισι τῆς ἀναβάθρας*) протонотарій и логоветъ (чины второй пентады) становятся съ обѣихъ сторонъ патріаршаго трона (т. е. той же анабаты), а вызванные затѣмъ епископы занимаютъ приготовленные имъ троны ¹⁾.

Анабаты, по чину „великаго нареченія“, готовится тамъ же, гдѣ тронъ или та же анабаты по чину „хиротоніи ставрофора“, т. е. въ нартексѣ противъ царскихъ дверей. Такимъ образомъ новый ставрофоръ, подводится служителями къ тому мѣсту, гдѣ садятся или сидятъ уже эксокатакилы или ставрофоры, и сажается на анабаты, но не на то мѣсто, гдѣ садится или сидитъ уже патріархъ, а на ступеняхъ его, гдѣ сидятъ другіе ставрофоры, въ санъ которыхъ вступилъ онъ. Впрочемъ „благочестно“ сажаютъ на тронъ новаго ставрофора только по переводу г. Дмитріевскаго. Въ подлинникѣ онъ „садится соотвѣтственно, соразмѣрно на тронѣ“ т. е. занимаетъ на тронѣ соотвѣтствующее ему мѣсто въ ряду эксокатакиловъ. Никакой интронизаци слѣдовательно не существуетъ. „И когда упомянетъ діаконъ (*καὶ μνημονεύσας τοῦ διακόνου*) царей, патріарха и хиротонисованнаго и сядетъ соотвѣтственно хиротонисованный на тронѣ (*καὶ καθήσας τε ἐπίωσ τοῦ χειροτονηθέντος ἐν τῷ θρόνῳ*), поется тотчасъ многолѣтіе царямъ, патріарху и самому хиротонисованному, а затѣмъ отпустъ.“ ²⁾ Такимъ образомъ, соотвѣтственное или соразмѣрное, т. е. соотвѣтствующее степени сидѣніе на тронѣ вполне устраняетъ, какъ представление объ интронизаци судьи ставрофора, такъ и представление о его

¹⁾ Zhischmann. 179.

²⁾ Дмитріевскій 299.

намѣстничествѣ или замѣстительствѣ патріарха. Сосредоточивъ все вниманіе на шляпѣ (*σκαβίον*), покрывалѣ (*περικελευτήριον*) и крестѣ на немъ, т. е. вообще на одеждѣ ставрофора, г. Дмитріевскій не замѣтилъ существеннаго, а именно того, что открытый имъ чинъ, кромѣ врученія евангелія, составляетъ только сокращенную передѣлку „нареченія“ отнюдь не тожественнаго съ „іерархическимъ посвященіемъ“, которое въ данномъ случаѣ отсутствуетъ, какъ отсутствуетъ интронизація и намѣстничество, коимъ г. Дмитріевскій придаетъ совершенно особое значеніе.

Итакъ, протекдикъ—ставрофоръ не является ни намѣстникомъ ни замѣстителемъ патріарха. Насколько же основательно предположеніе, что патріархъ передаетъ, делегируетъ ему свои, епископскія, судебныя права и обязанности? „Судебныя функціи протекдика, говоритъ Zhischmann, весьма ограничены“. ¹⁾ Къ тому же они почти всѣ вытекаютъ изъ каноническаго назначенія экдиковъ, отнюдь не намекающаго на его делегированіе епископомъ, т. е. изъ защиты слабыхъ, угнетенныхъ и преслѣдуемыхъ, равно какъ и огражденія вдовъ и сиротъ передъ государствомъ. Судебныя функціи эти, точнѣе участіе въ судоотправленіи сводятся для протекдика—ставрофора къ нижеслѣдующему: 1) Примѣненіе каноническаго наказанія къ обвиняемымъ клирикамъ послѣ троекратнаго вызова ихъ и неявки, чѣмъ они осуждаютъ самихъ себя; 2) Производство предварительнаго слѣдствія по всѣмъ церковнымъ проступкамъ; 3) Разборъ обвиненій въ мелкихъ проступкахъ съ представленіемъ приговора епископу; 4) Разборъ виновности или невиновности ищущихъ церковнаго убѣжища бѣглецовъ и опредѣленіе необходимости выдавать ихъ государству, по церковнымъ и гражданскимъ законамъ, если существуетъ таковая; 5) Приглашеніе къ себѣ преслѣдуемыхъ тѣхъ, которые нашли убѣжище въ церкви, и склоненіе ихъ къ тому, чтобы Церковь не была вынуждена выдавать бѣглецовъ; 6) Наблюденіе за тѣмъ, чтобы налагаемыя судомъ церковныя наказанія были въ точности исполняемы (подробности: Zhischmann 133. 134). Такимъ образомъ, если протекдикъ и участвуетъ отчасти въ церковномъ судѣ, какъ производящій слѣдствія и предлагающій патріарху рѣшенія

¹⁾ Дмитріевскій 320.

по мелкимъ дѣламъ, то на него никакимъ образомъ нельзя смотрѣть какъ на церковнаго судію, коему епископъ делегируетъ судебную власть свою и судебныя свои функціи черезъ особое „іерархическое посвященіе“.

Проф. Дмитріевскій не безъ основанія говоритъ, что „каноническое значеніе“ Апостольскихъ постановленій довольно сомнительно, и этому сомнительному каноническому документу противопоставляетъ открытый и изданный имъ чинъ хиротоніи. Я скажу прямо, что, сами по себѣ, Ап. Постановленія вовсе никакого каноническаго значенія не имѣютъ, ибо заключающееся въ нихъ не имѣетъ еще обязательнаго для Церкви значенія по тому только, что оно въ нихъ заключается. Но въ той степени, въ какой воспроизводятъ или хранятъ они преданіе первыхъ вѣковъ и въ той степени, въ какой выражаемое соотвѣтствуетъ духу Церкви этихъ вѣковъ и согласуется съ другими свидѣтельствами, они получаютъ для Церкви и обязательное значеніе. Антиохійскій соборъ весь состоялъ изъ епископовъ = аріанъ, былъ вполне еретическимъ соборомъ, такъ что постановленія его не могли бы имѣть для насъ никакой силы. Но онъ вѣрно записалъ каноническое преданіе Церкви, и она включила его правила въ свою каноническую систему. Но какое же каноническое значеніе можетъ имѣть памятникъ XIV вѣка, если онъ не воспроизводитъ только обычая, восходящаго въ основаніяхъ къ источнику преданія, — къ апостольскимъ временамъ? Мы уже видѣли, что якобы открытый г. Дмитріевскимъ чинъ, представляющій только плохое сокращеніе „великаго нареченія“ епископа съ пропускомъ словъ „черезъ мою мѣрность“ и съ прибавкою врученія евангелія, никоимъ образомъ не могъ возникнуть ранѣе XIII вѣка и почти и несомнѣнно возникъ уже въ XIV-мъ. Церковное преданіе не нарождается и не возникаетъ въ вѣкахъ, а передается въ нихъ, какъ преданіе исконное. Примѣры XIV вѣка столь же мало имѣютъ для насъ обязательнаго значенія, какъ и примѣры прошлаго или даже текущаго.

Но есть еще и другая сторона дѣла. Изъ того, что въ двухъ рукописяхъ XIV и XV вѣка находится чинъ, который только въ то время и могъ быть сочиненнымъ, во все еще не слѣдуетъ, чтобы чинъ этотъ имѣлъ дѣйствительно церковное употребленіе, а не былъ только пробой

пера книжника — литургиста. Въ евхологическихъ сборникахъ того же времени имѣется чинъ хиротоніи хорепископа, въ коемъ дѣйствующимъ лицомъ является хартофилаксъ. Между тѣмъ, ни въ эпоху составленія сборниковъ, ни въ эпоху дѣйствованія хартофилаксевъ хорепископовъ давно уже не существовало, а потому чинопослѣдованія эти составлены не для практики, а для теоретической полноты, для упражненія составителей. Такъ напр. въ одномъ изъ сборниковъ XV вѣка включена молитва при хиротоніи хорепископа (*εὐχὴ εἰς χορεπίσκοπον*), представляющая только передѣлку молитвы крещальной: Господи Боже нашъ, отъ исполненія купельнаго и т. д., при чемъ говорится и о преуспѣваніи возрастомъ и сохраненіи старости, какъ говорится о крещаемомъ младенцѣ. Ясно, что мы имѣемъ передъ собою только неискую пробу пера ¹⁾. Отсюда мы можемъ заключить, что и церковное употребленіе чина хиротоніи ставрофора само по себѣ представляется еще весьма сомнительнымъ.

Самый институтъ ставрофоровъ или эксокатакиловъ, исподволь развивавшійся, представляетъ явленіе не только не каноническое, но и прямо противное канонамъ. *Καὶ τοῦτο γίνεται παράνομος* — и это совершается незаконно, говоритъ Вальсамонъ, по поводу этого института ²⁾. Въ основѣ этого института положено предположеніе, что близость къ патріарху, принадлежность къ непосредственному его штату не только упраздняетъ іерархическое различіе степеней, даваемыхъ рукоположеніемъ, но и стоитъ выше іерархическаго церковнаго начала. Такимъ образомъ эксокатакилы или ставрофоры, будучи почти исключительно діаконами, въ силу своей приближенности къ патріарху, не только садились выше пресвитеровъ и епископовъ, что совершенно противорѣчило 18-му правилу перваго Никейскаго собора, но, какъ архонты, правительственные чины, имѣли и соотвѣтствующую власть надъ ними. Чиновники патріаршаго двора, его штата и канцеляріи (*ὀφθαλμῖοι* отъ латинскаго *officiales*, *ἄρχοντες ἐκκλησιαστικοί*) получали перевѣсъ и преимущество передъ собственно церковною іерархіей. Бюрократическое на-

¹⁾ Дмитріевскій 613

²⁾ Примѣч къ 18 пр I Ник Соб

чало получало верхъ надъ церковнымъ, а потому и діаконъ-бюрократы или діаконъ—архонты, подчиненные только самому патріарху, получали нѣкоторое господство надъ церковною іерархіей и надъ высшими для нихъ степенями ея. Неканоничность такого строя въ извѣстной степени осуждалась и въ самой Византіи. Алексѣй Комнинъ, при которомъ система эсхокатакиловъ-діаконовъ была еще въ зачаткѣ, находитъ оправданіе ей только въ сравнительной ея старинѣ ¹⁾. Вальсамонъ считаетъ ее не только нарушающей 18 канонъ перваго Никейскаго собора, а потому противной канонамъ, почему и все совершающееся сообразно этой системѣ, совершается незаконно — *παράλογος*, какъ отступленіе отъ правилъ,—но и почитаетъ эсхокатакиловъ или стоврофоровъ отвѣчающими кардиналамъ римской куріи ²⁾.

Итакъ, проф. Дмитріевскій въ основаніе провозглашаемыхъ или поддерживаемыхъ имъ якобы церковныхъ воззрѣній приводитъ чинопослѣдованіе, которое не могло возникнуть ранѣе XIV вѣка и которое можетъ быть никогда не имѣло даже практическаго примѣненія, будучи только плодомъ досуга книжника-литургиста, пожелавшаго приспособить „чинъ великаго нареченія“ епископа къ назначенію протѣкдика-ставрофора и совершенно неправильно придавашаго этому чину наименованіе хиротоніи. Проф. Дмитріевскій совершенно неправильно усмотрѣлъ въ этомъ чинѣ „іерархическое посвященіе“, которымъ открывался доступъ въ составъ церковныхъ судей ³⁾. Во-первыхъ ставрофоры вообще вовсе не были судьями, а протѣкдикъ въ частности былъ судебнымъ слѣдователемъ и судебнымъ докладчикомъ по нѣкоторымъ дѣламъ, юрисконсультъ а не судьей. Во-вторыхъ приводимое чинопослѣдованіе никакого „посвященія“ въ себѣ не заключаетъ, будучи только назначеніемъ со стороны патріарха, объявляемымъ назначаемому во храмъ и отъ имени „благодати Всесвятаго Духа“, орудіемъ коей является назначающей, какъ и препозитъ и императоръ производимыя ими тоже во храмъ назначенія спальниковъ, военныхъ чиновъ и нобилиссимовъ объявляютъ Господней волей. Въ третьихъ, если и смотрѣтъ

¹⁾ Novella 1094 г

²⁾ Meditatio V. *Συναγωγή* IV, 538, Zhischmann 179.

³⁾ Ц. Вѣд. № 51 стр. 217.

на объявляемое назначеніе, какъ на посвященіе въ виду совершенія его во храмѣ и слѣдующихъ за нимъ молитвъ, никакого отношенія къ назначенію не имѣющихъ, кромѣ возглашаемаго многолѣтія, то оно никакимъ образомъ не можетъ почитаться іерархическимъ посвященіемъ, ибо ставрофоры не только не входили въ составъ іерархіи, но и самое назначеніе ихъ и существованіе было прямымъ нарушеніемъ всего іерархическаго строя. Проф. Дмитріевскій, опираясь на изданный имъ чинъ, не понялъ этого самого чина, такъ какъ въ немъ вовсе не говорится о посаженіи ставрофора на патріаршій престолъ, „на мѣсто (какъ говоритъ онъ въ примѣчаніи) самого патріарха“ а разъ нѣтъ этой интронизаціи, которой, которой, конечно, и не могло быть, то нѣтъ основаній утверждать „намѣстничество“, замѣстительство и т. п.

Но допустимъ, что все изложеніе проф. Дмитріевскаго совершенно свободно отъ всякихъ литургическихъ ошибокъ, что найденное имъ чинопослѣдованіе дѣйствительно практиковалось въ Византіи XIV вѣка, что въ немъ имѣла мѣсто интронизація ставрофора на патріаршій престолъ, объясняющая намѣстничество ставрофора, что суть чинопослѣдованія дѣйствительно равносильна была „іерархическому посвященію“, коимъ ставленнику патріарха дѣйствительно преподавалось судебное достоинство и миссія совершать церковный судъ вмѣсто патріарха и отъ его имени, въ качествѣ его дѣлагата или намѣстника... Что же доказывало бы все это? Доказывало бы это только то, что въ Византіи къ XIV вѣку сложился совершенно неканоническій и даже антиканоническій строй церковнаго управленія, что церковное чиновничество и церковные чиновники (*ὀφφικιστάριοι*) возобладали надъ церковнымъ строемъ преданія, надъ церковнымъ началомъ и надъ церковною іерархіей, при чемъ способъ производства въ церковные чины былъ почти точною копіей съ обряда производства въ гражданскіе чины, узаконеннаго обрядникомъ X вѣка, включающаго описаніе и гораздо болѣе древнихъ обычаевъ, прототипы которыхъ частью восходятъ даже до временъ Діоклетіана. Бывающее и бывшее въ исторіи не есть еще преданное, которое одно имѣетъ руководящее и обязательное значеніе. Бываніе, возникновеніе въ исторіи, сколь долго ни поддерживалось бы оно и какую стройность ни приобрѣтало бы оно, не есть еще преданіе, *quod semper*,

quod ubique, quod ab omnibus, тогда только имѣющее обязательное, руководящее значеніе, когда оно посредственно или непосредственно восходитъ къ апостоламъ, а ими воспринято отъ Христа. Были въ исторіи церкви украшенные крестомъ на шляпахъ и на одеждѣ чиновники-эксокатакилы, носившіе по этому внѣшнему отличію названіе ставрофоровъ, какъ было и многое другое, нарождавшееся и отживавшее въ ней; но была въ ней, напр., и симонія, восходившая по происхожденію къ самымъ древнимъ временамъ и порою являвшаяся чуть ли не господствующей системой, конечно, не становясь черезъ это частью обязательнаго преданія и не освящаясь въ вѣкахъ. Древность сама по себѣ обязательнаго значенія еще не имѣетъ. И злоупотребленіе можетъ быть безусловно древнимъ, можетъ проходить черезъ вѣка и упорно поддерживаться въ нихъ, но все же остается только длящимся злоупотребленіемъ, а не составнымъ элементомъ преданія.

Мы приняли христіанство отъ грековъ; но мы приняли христіанство,—совокупность церковныхъ началъ, божественное преданіе, а не приняли преданія человѣческаго. Принявъ въ X вѣкѣ христіанство отъ грековъ, мы приняли не христіанство десятаго только вѣка и не могущія оказаться въ послѣдующихъ вѣкахъ наслоенія, а все богатство, накопленное девятью вѣками церковной жизни,—приняли каноны, приняли соборы, приняли отражающій преданіе сводъ богослуженія, приняли сонмъ святыхъ отцовъ, тоже преданіе выражающій и проповѣдующій, т. е. приняли всю совокупность оружія, которымъ обороняется, провѣряется и утверждается истина. Принявъ христіанство отъ грековъ, мы черезъ нихъ приобщились къ первоисточникамъ преданія, но не наложили на себя обязательства рабски слѣдовать всему, что на церковной почвѣ у нихъ возникнетъ, въ чемъ отступятъ они отъ стародавнихъ началъ, и что они себѣ создадутъ въ области своей Церкви. „Церковь — не Африка и жатва—конецъ временъ, а не время Доната“, говорилъ бл. Августинъ. Подобно тому и мы не только можемъ, но и должны сказать, что Церковь не Византія, а жатва не 12-ый, 13-ый или 14 вѣка. Этимъ мы посылаемъ отнюдь не упрекъ Византіи, высказываемъ отнюдь не осужденіе ей, а исповѣдуемъ только святость преданія, восходящаго къ апостоль-

скимъ временамъ и отнюдь не выражаемаго временнымъ состояніемъ той или другой мѣстной церкви въ томъ или другомъ изъ вѣковъ.

Разсмотрѣнная нами столь подробно аргументація „предсоборныхъ канонистовъ и литургистовъ“ представляется во всѣхъ отношеніяхъ совершенно невѣрною. Во-первыхъ она опирается на совершенно невѣрное изложеніе фактической стороны дѣла. (Отожествленіе ставрофоровъ съ судьями, а назначенія съ хиротоніей или „іерархическимъ посвященіемъ“, посаженіе назначаемаго на патріаршій тронъ, дѣлающее его „намѣстникомъ“ патріарха и т. п.). Во-вторыхъ существованіе антиканоническаго строя въ ту или иную эпоху она выставляетъ въ качествѣ канонической нормы, имѣющей для насъ руководящее значеніе. Въ третьихъ, возникающее въ вѣкахъ она признаетъ составнымъ элементомъ преданія, а черезъ то и неотъемлемымъ атрибутомъ Церкви, черезъ что искажается самое понятіе о Св. Преданіи. Преданіе обнимаетъ собою только то, что искони было предано и сохранялось въ Церкви, а не то, что въ ней возникло и возникло. Мы вѣруемъ въ единую, святую, соборную и апостольскую Церковь, а отнюдь не въ Церковь того или иного вѣка. Четырнадцатый вѣкъ представляетъ, конечно, нѣкоторую уже древность. Но вѣдь и времена гр. Протасова, гр. Д. А. Толстого или К. П. Побѣдоносцева будутъ современемъ таковыми же.

Примѣчаніе. Время происхожденія „чина хиротоніи ставрофора“ или точнѣе протѣкдика, представляющаго передѣлку „великаго нареченія“ явствуетъ между прочимъ изъ слѣдующаго обстоятельства, о которомъ ранѣе мы не говорили. Въ обращеніи патріарха къ назначаемому говорится, что „благодать Св. Духа проручествуетъ его великимъ (пропущено наименованіе чина) святѣйшей и великой церкви“. Съ какихъ же поръ эскакатакилы или ставрофоры начали называться великими? Византійскій историкъ Іоаннъ Кантакузенъ свидѣтельствуетъ намъ, что титулъ „великаго“ впервые былъ данъ въ 1328 г. императоромъ Андроникомъ III Палеологомъ хартофилаксу Куталесу за его особыя заслуги, съ какого времени наименованіе „великій“ (*μέγας*) стало присоединяться къ титулу хартофилакса. Должно было пройти не малое время, пока наименованіе это, перейдя сперва на преемниковъ по-

лучившаго, стало присоединяться къ титуламъ всѣхъ ставрофоровъ вообще. Итакъ, пресловутый чинъ написанъ и сочиненъ никакъ не ранѣе второй половины или даже конца 14 вѣка. Конечно, къ протекдику, какъ къ послѣднему, добавочному члену первой пентады онъ могъ перейти только позже другихъ, а отнюдь уже не раньше. Но въ 15 вѣкѣ при паденіи Константинополя ставрофоры, какъ титулъ и какъ группа чиновъ, перестали существовать. Поэтому въ предсоборномъ присутствіи я совершенно вѣрно наименовалъ хиротонію ставрофоровъ явленіемъ „милолетнымъ и спорадическимъ“. Дѣйствительно, еслибы составленный чинъ и имѣлъ церковное употребленіе, то употребленіе это продолжалось бы какихъ либо 60—70 лѣтъ, такъ что о немъ, конечно, не стоило бы и говорить. Я не знаю, принадлежит ли заглавіе *τάξις τῆς χειροτονίας τοῦ σταυροφόρου* самому г. Дмитріевскому или стоитъ въ самомъ евхологій библіотеки Саввы Освященнаго. Въ первомъ случаѣ это было бы грубою ошибкою со стороны издателя, ибо общаго чина для хиротоніи ставрофоровъ даже въ смыслѣ простаго назначенія не могло существовать и не существовало; во второмъ оно свидѣтельствовало бы о томъ, что чинъ этотъ никогда не практиковался. Но первое предположеніе почти невозможно, ибо въ сборникѣ г. Дмитріевскаго одни и тѣже чинопослѣдованія часто носятъ различныя наименованія, что объясняется различнымъ озаглавливаніемъ ихъ въ самихъ евхологійхъ. Чинъ пророчества (а не хиротоніи) великаго эконома изданъ у Гоара и Морина. Мы не имѣемъ его подъ рукою, а потому приведемъ только двѣ выдержки, сообщаемыя Цишманомъ и устанавлиющія, что чинъ этотъ отнюдь не былъ копіей съ чина великаго нареченія, а потому не имѣлъ ничего общаго съ „чиномъ хиротоніи ставрофора“. „Приводится благоговѣйшій братъ нашъ (имя рекъ), чтобы стать великимъ экономомъ (стоявшимъ въ числѣ ставрофоровъ) святѣйшаго епископства (такого-то)“. Затѣмъ: Божественная благодать и т. д. пророчествуетъ благоговѣйшійшаго брата нашего (имя рекъ) великимъ экономомъ епископства нашего (такого-то). Помолимся же о немъ и т. д.

Когда получили чины первой пентады праваго хора или эксокатакилы названіе „ставрофоровъ“ или крестоносцевъ, трудно опредѣлить. У Симеона Солунскаго оно уже упоми-

нается. Уподобленіе ихъ со стороны Вальсамона кардиналамъ римской куріи отчасти намекаетъ на западное происхожденіе этого сана, а это наводитъ на мысль: не заимствовано ли наименованіе да и самыя кресты на одеждѣ и шляпахъ отъ западныхъ крестоносцевъ, гостившихъ въ Константинополь и включавшихъ въ число свое и нѣкоторыхъ церковныхъ іерарховъ, конечно, также украшенныхъ крестами, въ качествѣ крестоносцевъ.

Н. Аксаковъ.
